Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Пра 4

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМЪ
РАЙОНѢ
за послѣдніе 15 лѣтъ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 40 сант.

ЖЕНЕВА.
Типографія „Союза": Genève, chemin de la Cluse, № 7.
Іюль 1900.

3956
24

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ
Шуйско-Ивановскомъ районѣ
за послѣдніе 15 лѣтъ.

I.

Подъ Шуйско-Ивановскимъ фабричнымъ райономъ подразумѣвается, собственно говоря, Шуйскій уѣздъ и часть Ковровскаго уѣзда Владимирской губерніи. Въ этомъ районѣ имѣются фабричные города: Шуя (20 тысячъ жителей) и Иваново-Вознесенкъ (60 тысячъ). Послѣдній, вслѣдствіе особеннаго развитія въ немъ хлопчатобумажнаго производства, недаромъ называется „русскимъ Манчестеромъ". Кромѣ того, здѣсь имѣются значительные фабричные поселки: Кохма, Тейково, Лежнево, а нѣсколько фабрикъ разбросано по деревнямъ. Всѣ эти пункты, кромѣ Лежнева, соединены съ г. Иваново-Вознесенскомъ желѣзными дорогами и отстоятъ отъ него на 10 — 30 верстъ. Промышленность района, въ особенности за послѣднее время, развивается необыкновенно быстро.

Менѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ село Иваново и Вознесенскій посадъ преобразовались въ г. Иваново-Вознесенскъ, и теперь это не только промышленный, но и культурный, многолюдный городъ, быстро растущій съ каждымъ годомъ*). Во всемъ районѣ наиболѣе развиты: ситцепечатное дѣло, бумаго-ткачество и затѣмъ уже бумаго-пряденіе. О развитіи промышленности говорятъ цифры занятыхъ въ производствѣ фабричныхъ рабочихъ. Въ г. Ив.-Вознесенскѣ въ теченіе 1899 года было 26.280 фабричныхъ рабочихъ, среди которыхъ было 12.438 ткачей, 10.000 ситцепе-

*) Населеніе г. Иваново-Вознесенска, составлявшее въ 1883 г. всего только 31 тысячу, черезъ 15 лѣтъ удвоилось.

чатныхъ рабочихъ и 2.500 челов. было занято на прядильныхъ фабрикахъ, а оствльные были заняты работами на 3-хъ небольшихъ чугунно-литейныхъ заводахъ*). Въ городѣ Шуѣ въ 1899 г. работало до 10 тысячъ чел., изъ которыхъ 5 тысячъ ткачей, $1^1/_2$ тысячи прядильщиковъ, а остальные — рабочіе ситценечатныхъ фабрикъ. Въ Кохмѣ фабричныхъ рабочихъ около 5 тыс. чел., въ Тейковѣ 4 тыс. и въ Лежневѣ около 3 тыс. Такимъ образомъ во всемъ районѣ число фабричныхъ рабочихъ доходитъ почти до 50 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ половина живетъ въ г. Ив.-Вознесенскѣ, а остальные находятся не далѣе 35 верстъ отъ этого города. Замѣтьте, что мы говоримъ исключительно о фабричныхъ рабочихъ, т. е. о лицахъ, которыя *самостоятельно* работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, *подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи*. Слѣдовательно, въ число 50 тыс. не входятъ ремесленники, возчики, строительные рабочіе и неработающіе члены семей фабричныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ печатнаго матеріала и недостаткомъ личныхъ наблюденій, мы должны оставить въ сторонѣ всѣхъ не-фабрич. рабочихъ, хотя и среди нихъ, въ особенности среди каменщиковъ, замѣчается за послѣднее время движеніе: такъ, въ г. Ив.-Вознесенскѣ въ 1897 и 98 годахъ среди каменщиковъ было нѣсколько удачныхъ стачекъ, направленныхъ къ сокращенію чрезмѣрно-продолжительнаго рабочаго дня (13-14 часовъ; работа у каменщиковъ начинается въ 4 ч. утра и кончается въ 8 ч. вечера; на обѣдъ дается 2 часа и, въ рѣдкихъ случаяхъ, еще на 2 завтрака—1 часъ) и къ увеличенію заработной платы.

Какъ извѣстно, развитіе самосознанія среди рабочихъ и ростъ рабочаго движенія находятся въ тѣсной связи съ развитіемъ промышленности. Вотъ почему намъ приходится, хоть вкратцѣ, нѣсколько остановиться на развитіи промышленности въ нашемъ районѣ.

Мы не будемъ касаться той сѣдой старины, когда бойкіе ивановцы, вынуждаемые неплодородіемъ почвы, вели дѣятельную торговлю съ Персіей, Бухарой и затѣмъ съ Англіей; не будемъ говорить и объ иностранцахъ, которые устраивали здѣсь полотняныя фабрики еще въ началѣ XVIII вѣка, фабрики, которыя по-

*) Число фабричн. рабочихъ особенно увеличилось за послѣдніе 5 лѣтъ. Въ 1895 г. ихъ было въ круглыхъ числахъ менѣе 17 тысячъ, въ 1898 г.—$23^1/_2$ тыс., а въ 1899 г.—болѣе 26 тыс. Такимъ образомъ въ теченіе 5 л. число фабр. рабочихъ возросло почти на 10 тысячъ челов., т. е. на 56%. Къ 1 янв. въ г. Ив.-Вознесенскѣ было 18 ситцевыхъ фабрикъ, 13 ткацкихъ съ 10.366 станками и 2 прядильни съ 102.662 веретенами. См. книгу „Ив.-Вознесенское механико-техническое училище 1894—1899 г.“ стр. 10 и 11.

служили образцомъ для мѣстной льноткацкой промышленности. Замѣтимъ только, что льняное ткачество, при несложности техники того времени, скоро перешло изъ большихъ фабрикъ въ крестьянскія избы и быстро распространилось по всѣмъ деревнямъ. Узнавъ секреты крашенія, ивановцы вмѣстѣ съ ткачествомъ занялись набивкой и крашеніемъ льняныхъ тканей, а затѣмъ ленъ замѣнили бумажной пряжей, привозимой изъ Азіи и Англіи. Дѣла крестьянъ-кустарей, занимавшихся на дому ткачествомъ и набивкой бумажныхъ тканей, шли настолько хорошо, что собственники большихъ мануфактуръ не разъ обращались къ правительству за содѣйствіемъ противъ кустарей, но послѣдніе все болѣе и болѣе богатѣли. Отмѣтимъ кстати одно историческое событіе, которое въ особенности благопріятно отразилось на развитіи мѣстной промышленности: мы говоримъ о 1812 годѣ, когда вмѣстѣ съ Москвой сгорѣли ткацкія и ситценабивныя фабрики, находившіяся въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ Шуйско-Вознесенскій районъ на значительное время освободился отъ своего опаснаго конкуррента, и ивановскіе ситцы получили большой спросъ на рынкѣ.

Въ это время положеніе какъ крестьянъ-кустарей, такъ и рабочихъ, занятыхъ въ большихъ мануфактурахъ, было очень хорошее, но уже въ серединѣ XIX вѣка противъ тѣхъ и другихъ выступилъ опасный врагъ въ лицѣ машиннаго производства. Машина быстро уничтожила кустарей и ухудшила положеніе рабочихъ; напротивъ, для хозяевъ большихъ мануфактуръ этотъ врагъ кустарей и рабочихъ явился избавителемъ. Отнынѣ съ ними не могъ конкуррировать кустарь-ткачъ; теперь имъ нестрашны были искусные и своенравные набойщики, ибо машина оказалась искуснѣе и покорнѣе человѣка. Появленіе механическаго ткацкаго станка привѣтствовали и хозяева раздаточныхъ конторъ; имъ выгоднѣе было имѣть дѣло съ рабочими, трудящимися на механической фабрикѣ подъ хозяйскимъ наблюденіемъ, чѣмъ имѣть дѣло съ крестьянами, которые, работая у себя на дому, часто небрежно относились къ хозяйскому матеріалу.

Первыя механическія бумагопрядильни стали возникать въ нашемъ районѣ еще въ 1817 году, но эти попытки не имѣли успѣха. Дѣло механическаго пряденія упрочилось только въ 1838 г., а первая ткацкая фабрика съ механическими станками возникла въ г. Шуѣ въ 1847 г. (на 108 станковъ). Въ ситце-печатномъ дѣлѣ первыя цилиндро-печатныя машины появились въ Ивановѣ въ 1835 г. Насколько всѣ эти машины дѣлали трудъ рабочаго производительнѣе, видно изъ слѣдующаго примѣра: каждая „пирротина“ на ситцевой фабрикѣ съ помощью 2 челов. могла набить столько же, сколько ранѣе ручнымъ станкомъ набивали 30-35 набойщиковъ. На фабрикѣ Зубкова въ Ивановѣ работало въ 1840 г. круглый годъ до 250 набойщиковъ, а въ 1854

г., съ введеніемъ машинъ, достаточно было 60 человѣкъ, несмотря на то, что производство значительно расширилось. Равнымъ образомъ и механическій ткацкій станокъ оказался во много разъ производительнѣе ручного станка. Вполнѣ понятно, что всѣ эти машины, повышая производительность труда, выбросили за бортъ многихъ рабочихъ; число свободныхъ рукъ увеличилось, и этимъ воспользовались фабриканты, чтобы понизить заработную плату тѣхъ немногихъ, которымъ удалось попасть на механическую фабрику. Объ этомъ времени фабрикантъ Я. П. Гарелинъ пишетъ: „Блестящая пора заработковъ у ивановскаго рабочаго кончилась съ введеніемъ въ дѣло машинъ. Пока машинъ не было или онѣ являлись отдѣльными нововведеніями, рабочій, можно сказать, царилъ на фабрикѣ — отъ него зависѣло, работая хорошо, получать большія деньги и доставлять въ то же время и хозяину порядочный барышъ, или, разозлившись на хозяина, портить ему товаръ и все-таки не оставаться въ накладѣ въ случаѣ разсчета, потому что онъ могъ тотчасъ же явиться къ конкурренту своего прежняго хозяина и доставить тому возможность одержать верхъ надъ послѣднимъ... Словомъ, хозяинъ былъ тогда въ извѣстной тягостной зависимости отъ рабочаго. Но вотъ являются машины и мало по малу завладѣваютъ дѣломъ. Рабочимъ пришлось уже не хозяйничать, а стать въ подчиненіе къ бездушнымъ машинамъ, котор. вдобавокъ срабатывали по меньшей мѣрѣ въ десять разъ больше, чѣмъ могли сдѣлать всѣ рабочіе, находящіеся на фабрикѣ.... Рабочій сдѣлался теперь вполнѣ зависимымъ отъ машины“*).

Помимо введенія машинъ на положеніи рабочихъ сказалась и отмѣна крѣпостного права (19 февр. 1861 г.): паденіе крѣпостныхъ узъ позволило многимъ крестьянамъ явиться въ города, и рынокъ труда совершенно переполнился. Заработная плата, сильно упавшая къ концу 50-хъ годовъ, не могла повыситься до 80 годовъ, а въ это время, подъ вліяніемъ кризиса, фабриканты стали сокращать производство, и положеніе рабочихъ естественно еще болѣе ухудшилось.

Но въ серединѣ 80-хъ годовъ рабочіе были уже не тѣми, что при введеніи машиннаго производства. Та самая машина, котор. при своемъ появленіи разорила рабочихъ, впослѣдствіи пришла къ нимъ на помощь: она сплотила ихъ и научила путемъ совмѣстныхъ дѣйствій бороться за улучшеніе своей горькой доли. Наступило время бурныхъ стачекъ и волненій. „Въ 1884 и 85 годахъ во Владимирской губ. — по свидѣтельству бывшаго фабричнаго инспектора Дементьева (Дементьевъ. „Русское фабричное законодательство“; статья написана на мѣмецкомъ языкѣ),—стачки участились и приняли такой бурный характеръ, что улуч-

*) Гарелинъ. Г. Иваново-Вознесенскъ, часть 2, стр. 100.

шеніе положенія рабочихъ явилось прямо необходимымъ. Внѣшнее спокойствіе достигалось только при помощи военной силы". Рабочіе разрушали машины, избивали нелюбимыхъ мастеровъ, уничтожали фабричный матеріалъ и разносили хозяйскія лавки. Не привыкши дѣйствовать сообща, рабочіе вымещали свою злобу, разрушая хозяйское имущество; они еще не знали, что подобными вспышками гнѣва они могутъ повредить себѣ. Услужливое правительство высылало противъ стачечниковъ цѣлые полки солдатъ и сотни звѣрей-казаковъ. Невѣжественные солдаты прикладама ружей били даже изувѣченныхъ рабочихъ, лежащихъ на землѣ, а казаки стегали нагайками всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Изрѣдка, какъ, напр., это было въ Шуѣ и Иваново-Вознесенскѣ, рабочіе отвѣчали на насилія казаковъ бросаніемъ камней, но силы ничѣмъ не вооруженныхъ рабочихъ были слишкомъ ничтожны, чтобы вступить въ открытую борьбу съ войсками. Однимъ словомъ, это были стихійныя вспышки людей, доведенныхъ нищетой до отчаянія: они нерѣдко не въ состояніи были даже выставить никакихъ опредѣленныхъ требованій. Вѣрнѣе сказать, каждый говорилъ о томъ, о чемъ болѣло его сердце. Нерѣдко случалось, что на одной и той же фабрикѣ одни рабочіе были болѣе всего недовольны какимъ-нибудь мастеромъ, другіе низкой зоработной платой, третьи штрафами и т. д. Въ это время рабочіе еще не научились среди массы требованій выдѣлять тѣ, которыя касались большинства товарищей.

Кромѣ насилій со стороны войска, забастовавшимъ рабочимъ приходилось выносить и голодъ, и тюремное заключеніе, но все это не уменьшало движенія среди рабочихъ; напротивъ, за послѣдніе годы стачки устраивались еще чаще, чѣмъ прежде. Но характеръ стачекъ рѣзко измѣнился; ранѣе это были „боевыя" стачки, а приблизительно съ 1890 г. стачки въ нашемъ районѣ приняли „мирный"*) характеръ.

Теперь рабочіе во время стачекъ никого и ничего не трогаютъ, но спокойно выходятъ изъ фабрики и заявляютъ, что они не войдутъ въ корпусъ, пока не будутъ исполнены тѣ или дру-

*) Правда, въ 1895 г. въ с. Тейковѣ былъ убитъ директоръ фабрики англичанинъ Крошо, но это убійство было вызвано высокомѣрнымъ и звѣрскимъ обращеніемъ директора съ рабочими. Крошо первый и безъ всякаго основанія выстрѣлилъ въ рабочихъ. Толпа заволновалась и подступила къ дому директора, который въ это время продолжалъ стрѣлять въ рабочихъ; одного изъ нихъ онъ убилъ, нѣсколькихъ ранилъ. Тогда рабочіе стащили Крошо съ лѣстницы и буквально растерзали его. Замѣчательно, что даже въ это время фабричное имущество не пострадало, а работа возобновилась черезъ 2-3 дня.

гія ихъ опредѣленныя требованія, поддерживаемыя всѣми единодушно. Въ настоящее время какъ правительство, такъ и фабриканты прекрасно понимаютъ, что для нынѣшнихъ стачекъ войска не нужны, т. к. сила рабочихъ кроется не въ кулакѣ, а въ товарищескомъ союзѣ. Тѣмъ не менѣе правительство продолжаетъ „для устрашенія“ рабочихъ (а вѣрнѣе для успокоенія трепещущихъ отъ страха фабрикантовъ и властей) посылать войска въ тѣ мѣста, гдѣ происходитъ стачка. Вмѣстѣ съ войсками къ стачечникамъ являются разныя власти: губернаторъ (или вицегубернаторъ), жандармскій генералъ, прокуроръ и фабричные инспектора. Власти обыкновенно обѣщаютъ рабочимъ разсмотрѣть дѣло „по чести“, если они возобновятъ работы, но рабочіе теперь уже знаютъ, что отъ волковъ*) въ овечьей шкурѣ нельзя ждать добра, и не идутъ на работы до исполненія ихъ требованій. Во время переговоровъ съ властями среди стачечниковъ рыщутъ шпіоны, замѣчаютъ руководителей, а ночью эти руководители попадаютъ въ тюрьму. Зимой 1898 года, во время большой стачки въ г. Иван.-Вознесенскѣ шпіоны ставили мѣломъ кресты на спинахъ рабочихъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ стачкѣ, но, къ несчастью, рабочіе слишкомъ поздно обратили вниманіе и на кресты, и на шпіоновъ: большинство отмѣченныхъ было вскорѣ же арестовано.

Во время стачекъ рабочіе устраиваютъ собранія на открытомъ воздухѣ для обсужденія своего положенія, но, какъ общее правило, сходки эти разгоняются казаками. Впрочемъ, въ упомянутой выше стачкѣ 1898 г. сами власти однажды позволили рабочимъ собраться въ полѣ для избранія своихъ представителей. Такимъ образомъ, въ первый разъ, съ дозволенія начальства, у насъ состоялась сходка, въ которой приняли участіе до 5 тыс. рабочихъ отъ разныхъ фабрикъ (всѣхъ же забастовавшихъ было почти 15 тыс. человѣкъ). Очень часто представители рабочихъ, вступающіе въ переговоры съ начальствомъ по требованію самихъ же властей, впослѣдствіи первые подвергаются аресту. Такое предательство, понятно, удерживаетъ рабочихъ отъ переговоровъ съ властями. Самое лучшее средство въ такихъ случаяхъ — изданіе листковъ съ изложеніемъ требованій рабочихъ. Пусть фабриканты и правительство, если хотятъ, изъ этихъ листковъ

*) Намъ не хотѣлось бы называть волками фабричныхъ инспекторовъ, ибо среди нихъ есть люди порядочные, расположенные къ рабочимъ; но бѣда такихъ инспекторовъ заключается въ непониманіи русскаго рабочаго движенія. Какъ и рабочіе, фабр. инспектора должны твердо знать, что правительство всегда на сторонѣ фабрикантовъ и, если что дѣлаетъ для рабочихъ, то исключительно благодаря настойчивымъ требованіямъ самихъ же рабочихъ.

узнаютъ желанія рабочихъ, а не отъ представителей стачечниковъ!

За отсутствіемъ широкой организаціи среди рабочихъ (въ видѣ стачечной кассы), стачечникамъ приходится выносить страшную нужду и нерѣдко даже голодъ. Вотъ почему всѣ наши стачки продолжаются не болѣе 1-2 недѣль, если только фабрикантъ не уступитъ ранѣе.

Отмѣтимъ кстати любопытную черту: въ стачкахъ всегда принимаютъ участіе и женщины. Правда, инициатива въ стачкахъ принадлежитъ мужчинамъ, но женщины всегда поддерживаютъ требованія мужчинъ. Особенно интересна была чисто-женская стачка на ткацкой фабрикѣ братьевъ Гандуриныхъ весною 1895 г. На этой фабрикѣ женщины составляютъ $^{9}/_{10}$ общаго числа рабочихъ и всѣ онѣ принимали дѣятельное участіе въ стачкѣ, но властямъ было совѣстно имѣть дѣло съ женщинами, а потому на скамью подсудимыхъ были посажены всѣ мужчины и ни одной женщины.

Послѣ стачки бываетъ судъ, который приговариваетъ такъ называемыхъ зачинщиковъ (всѣхъ судить невозможно!) къ тюремному заключенію на время отъ нѣсколькихъ недѣль до 1 года и 4 мѣс. Кромѣ того, массы рабочихъ высылаются на родину этапнымъ порядкомъ, а наиболѣе выдающіеся товарищи административнымъ порядкомъ ссылаются въ какую-нибудь глушь или заключаются въ петербургскую одиночную тюрьму („Крестъ“) на 1-2 года. Такъ, напр., было поступлено съ покойнымъ Бердниковымъ, который игралъ выдающуюся роль во время громадной шуйской стачки 1888 года; несчастный не вынесъ одиночки и зачахъ...

Къ чему же всѣ эти страданія? Зачѣмъ понадобились эти ужасныя жертвы?.... Положеніе рабочихъ слишкомъ тяжело, это всѣмъ хорошо извѣстно, но только неустанная борьба съ фабрикантами и правительствомъ поможетъ рабочимъ улучшить свою долю.

За что же боролись рабочіе Шуйско-Ивановскаго района? Самая упорная и продолжительная борьба велась *за уничтоженіе ночныхъ работъ и вообще за сокращеніе рабочаго дня. Ткачи и прядильщики городовъ Шуи и Ив.-Вознесенска путемъ неустанной борьбы добились въ настоящее время отмѣны ночныхъ работъ.* А между тѣмъ всего 15 лѣтъ тому назадъ рѣшительно на всѣхъ нашихъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ работа производилась цѣлыя сутки двумя смѣнами, изъ которыхъ каждая ежедневно работала или по 12 часовъ въ 2 пріема*), или же одну недѣлю по 8 ч., а другую по 16 часовъ.

*) Вотъ, напр., распредѣленіе работъ на ткацкой фабрикѣ Товарищества Шуйской Мануфактуры за 1885 г.: съ 4 ч. утра до 10

Ночная работа, особенно непріятная для рабочихъ вызвала въ концѣ 80-хъ годовъ цѣлый рядъ волненій, послѣ которыхъ большинство ивановскихъ ткацкихъ фабрикантовъ, съ отмѣной ночныхъ работъ, перешло къ 18-часовой работѣ на 2 смѣнѣ, т. е. каждая смѣна стала работать по 9 часовъ въ сутки *). Въ г. Шуѣ также было нѣсколько стачекъ, направленныхъ къ уничтоженію ночныхъ работъ, причемъ особенно замѣчательна была стачка, бывшая въ сентябрѣ и октябрѣ 1888 г. Въ этой стачкѣ приняли участіе ткачи всѣхъ шуйскихъ фабрикъ (около 5 тыс. человѣкъ) и настойчаво потребовали уничтоженія ночныхъ работъ. Помимо особенной тяжести этихъ работъ, мужчины жаловались, что, работая постоянно въ ночныхъ смѣнахъ, они никогда, кромѣ праздниковъ, не видятъ своихъ женъ, работающихъ въ дневныхъ смѣнахъ, а подобное разлученіе, говорили ткачи, дурно отзывается на семейной жизни. Ткачи упорно и дружно держались цѣлую недѣлю, несмотря на то, что противъ нихъ нерѣдко употреблялись приклады солдатскихъ ружей. Въ концѣ концовъ фабриканты уступили, но эта уступка была куплена слишкомъ дорогой цѣной: уничтоживъ ночныя роботы, фабриканты отпустили половину ткачей и стали работать въ одну смѣну отъ 5 ч. утра до 8 ч. веч., т. е. въ теченіе 15 ч. съ перерывомъ на обѣдъ въ 2 часа. Такимъ образомъ продолжительность рабочаго дня увеличилась на 1 часъ (13 ч. вмѣсто прежнихъ 12 ч.), а появленіе на рынкѣ труда новыхъ свободныхъ рукъ не могло не отразиться на высотѣ заработной платы.

Конечно, шуйскіе ткачи не могли быть довольны такимъ чрезмѣрно продолжительнымъ рабочимъ днемъ, но неблагопріятныя условія рабочаго рынка не позволяли имъ немедленно начать борьбу за сокращеніе рабочаго дня. И только въ 1893 году шуйскіе ткачи всѣхъ фабрикъ снова поднялись на ноги. Началась дружная стачка, и единственно вслѣдствіе этой стачки, какъ признаетъ и старшій фабричный инспекторъ Владимирской губ.,**) рабочій день для всѣхъ шуйскихъ ткачей съ 1-го октября 1893 года былъ сокращенъ на 1 часъ. Но и 12-часовой рабочій день не могъ удовлетворить ткачей. Въ 1897 году снова началось броженіе, которое только потому не вылилось въ стачку, что фабриканты согласились уменьшить рабочій день. Такимъ образомъ, исключительно благодаря неустанной борьбѣ ткачей и

ч. утра — женщины и подростки; съ 10 ч. утра до 4 ч. дня — мужчины; съ 4 ч. дня до 10 ч. вечера — женщины и подростки, а съ 10 ч. вечера до 4 ч. утра—мужчины.

*) Первая смѣна работаетъ съ 4 ч. утра до часу дня, а вторая—съ часу дня до 10 ч. вечера.

**) Продолжительность рабочаго дня и заработная плата. Изданіе Министерства Финансовъ 1896 г., стр. 43.

прядильщиковъ, въ настоящее время въ Шуѣ и Ив.-Вознесенскѣ ни на одной фабрикѣ нѣтъ ночныхъ работъ.

Любопытно, что борьба за уничтоженіе ночныхъ работъ изъ этихъ городовъ перешла на фабрики, расположенныя въ глухихъ деревняхъ. Борьба и здѣсь ведется очень успѣшно. Такъ въ сентябрѣ 1896 г. 500 ткачей на фабрикѣ Товарищества Мануфактуръ Н. Дербенева С-ья (при с. Камешковѣ Ковровскаго уѣзда) послѣ 7-дневной стачки добились отмѣны ночной работы (отъ 10 ч. вечера до 4 ч. утра). Весною 1897 года такую же побѣду одержали 1.500 ткачей на фабрикѣ Товарищества Горкинской Мануфактуры при дер. Горкахъ Ковровскаго уѣзда. Пройдетъ 2-3 года, и ночныхъ работъ нигдѣ не будетъ во всемъ нашемъ районѣ.

Въ 1897 г. былъ опубликованъ новый законъ 2 іюня, установившій продолжительность рабочаго дня для взрослыхъ въ 11½ час. Законъ этотъ, какъ извѣстно, былъ вызванъ главнымъ образомъ энергичной борьбой петербургскихъ рабочихъ въ 1896 и въ 1897 гг. и принесъ несомнѣнную пользу всѣмъ болѣе отсталымъ рабочимъ. Новый законъ помогъ и шуйскимъ ткачамъ добиться 9-часового дня. Вслѣдъ за опубликованіемъ закона всѣ шуйскіе ткацкіе фабриканты подъ вліяніемъ броженія среди рабочихъ перешли къ работѣ двумя 9-часовыми смѣнами и при этомъ, по требованію рабочихъ, повысили сдѣльную разцѣнку на 25 — 40%. Такимъ образомъ рабочій день шуйскихъ ткачей съ 12 часовъ сократился до 9, причемъ заработная плата не только не понизилась, но даже повысилась. Таковы результаты борьбы нашихъ ткачей и прядильщиковъ за сокращеніе рабочаго дня.

Здѣсь кстати отмѣтить, что успѣшности этой борьбы помогали и внѣшнія условія: 1) блестящее положеніе промышленности, всѣдъ за послѣднимъ кризисомъ въ серединѣ 80-хъ годовъ, и 2) конкурренція петербургскихъ и лодзинскихъ фабрикантовъ съ болѣе отсталыми московскими и владимирскими фабрикантами. Къ сожалѣнію, цѣль настоящей статьи не позволяетъ намъ остановиться болѣе подробно на этомъ предметѣ.

Кромѣ ткачей и прядильщиковъ, въ нашемъ районѣ есть еще одна громадная группа рабочихъ, которая въ отношеніи продолжительности рабочаго дня находится въ худшихъ условіяхъ по сравненію съ другими рабочими. Мы говоримъ о рабочихъ ситцепечатныхъ фабрикъ. Эти рабочіе до самаго послѣдняго времени не участвовали въ борьбѣ*), а потому они имѣютъ и

*) На ткацкихъ и отчасти прядильныхъ фабрикахъ массы рабочихъ заняты въ немногихъ громадныхъ комнатахъ и при сдѣльной платѣ всѣ рабочіе заинтересованы въ каждомъ измѣненіи разцѣнки. Но не то на ситцевыхъ фабрикахъ: здѣсь рабо-

низшую заработную плату, и самый продолжительный рабочій день. Вплоть до изданія закона 2-го іюня 1897 года всѣ рабочіе ситцепечатныхъ фабрикъ, какъ въ гор. Ив.-Вознесенскѣ, такъ и въ Шуѣ работали съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера (а на фабрикѣ Торговаго Дома З. Кокушкинъ и К. Маракушевъ даже до 9 час. вечера) съ перерывомъ на $1^1/_2$-2 часа. Прибавимъ къ этому, что нигдѣ такъ не злоупотребляютъ сверхурочными работами, какъ на ситценабивныхъ фабрикахъ. Такъ, напримѣръ, на ситцевой фабрикѣ Фокина въ г. Ив.-Вознесенскѣ въ теченіе 3-4 лѣтнихъ мѣсяцевъ работа продолжалась съ 5 ч. утра до 10 — 12 ч. ночи и даже до часу. Такимъ образомъ каждый рабочій былъ занятъ 18—20 час. Хотя по закону сверхурочныя работы и считаются „добровольными“, но въ дѣйствительности онѣ обязательны для рабочихъ: обыкновенно разсчитываютъ того рабочаго, который не желаетъ исполнять ихъ.

Законъ 2 іюня 1897 г. оказалъ существенную помощь ситцепечатнымъ рабочимъ. Съ 1 янв. 1898 г. на всѣхъ ситцепечатныхъ фабрикахъ въ г. Ив.-Вознесенскѣ и Шуѣ работа начинается съ 6 ч. утра и кончается въ 7 ч. вечера съ перерывомъ на $1^1/_2$ часа. Слѣдовательно, благодаря закону, рабочіе ситцепечатныхъ фабрикъ имѣютъ $11^1/_2$ часовой рабочій день вмѣсто прежняго въ $13^1/_2$ ч., т. е. рабочій день уменьшился на 2 часа.

Такимъ образомъ типичнымъ для нашего района является: *9-часовой рабочій день для ткачей и прядильщиковъ и $11^1/_2$ ч. —для рабочихъ ситцепечатныхъ фабрикъ.*—О рабочемъ днѣ въ другихъ отрасляхъ промышленности мы говорить не будемъ, т. какъ этихъ рабочихъ въ нашемъ районѣ, во 1-хъ, немного, а во 2-хъ, никакого движенія среди нихъ пока незамѣтно.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись вопроса о праздничномъ отдыхѣ, тѣмъ болѣе, что принужденіе работать въ праздники очень часто влекло за собой большія волненія среди рабочихъ. Въ результатѣ, путемъ взаимныхъ уступокъ, въ нашемъ районѣ было установлено въ теченіе года 85 — 88 праздничныхъ дней. Работа въ праздники на ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ у насъ никогда не производится, а на ситцепечатныхъ чрезвычайно рѣдко (мы не говоримъ, конечно, о ремонтныхъ отдѣленіяхъ этихъ фабрикъ, гдѣ праздничная работа производится почти всегда). Работа наканунѣ праздника

чіе разбросаны небольшими группами по многимъ отдѣламъ, и притомъ каждый рабочій получаетъ свое особое мѣсячное или поденное вознагражденіе. Понятно, насколько условія работы на ткацкой (и отчасти прядильной) соединяютъ рабочихъ, настолько работа на ситцепечатныхъ фабрикахъ разобщаетъ ихъ. Въ этихъ условіяхъ производства и кроется въ значительной степени причина отсталости ситцепечатныхъ рабочихъ.

кончается въ 6 ч. вечера для односмѣнныхъ рабочихъ и въ 10 ч. вечера на фабрикахъ, работающихъ въ 2 смѣны. Предъ болѣе важными праздниками работа на всѣхъ фабрикахъ кончается въ 6 ч. вечера. Такой порядокъ установился не безъ усилій со стороны рабочихъ.

Еще въ 1896 году на фабрикѣ Треумова въ гор. Ковровѣ работа наканунѣ праздниковъ кончалась въ 4 часа утра въ самый праздникъ. Прибавьте къ этому 1—2 часа на чистку машинъ и вы поймете, насколько была непріятна праздничная работа. Ткачи забастовали и, согласно ихъ желанію, работа стала кончаться наканунѣ праздниковъ въ 10 час. вечера. Чтобы лучше оцѣнить ту выгоду, которую въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ рабочій путемъ борьбы съ фабрикантомъ, мы должны напомнить, что еще 20 лѣтъ тому назадъ работа въ ночь подъ праздникъ составляла общее явленіе во всей Владимирской губ.. Особенно наглядный примѣръ эксплуатаціи въ этомъ отношеніи приводитъ фабричн. инспекторъ, докторъ Песковъ*) въ своемъ отчетѣ за 1882—83-ій годъ: работа на фабрикѣ Саввы Морозова начиналась въ 6 час. утра въ понедѣльникъ, а кончалась *въ воскресенье въ 6 час. вечера*. Такимъ образомъ, праздничный перерывъ составлялъ всего только 12 часовъ. Такой же порядокъ былъ и на фабрикѣ Каретниковыхъ въ селѣ Тейковѣ, съ той только разницей, что работа въ понедѣльникъ начиналась въ 4 часа утра. Подобная же эксплуатація была и на другихъ фабрикахъ нашего района. Слѣдовательно, менѣе 20 лѣтъ тому назадъ праздничный перерывъ составлялъ 12 часовъ и во всякомъ случаѣ менѣе 24 час., а теперь онъ составляетъ 30—36 часовъ.

Въ настоящее время нашими рабочими ставится уже на очередь вопросъ о болѣе раннемъ окончаніи работъ наканунѣ праздниковъ, но Ив.-Вознесенскіе фабриканты предупредили рабочихъ, и первые сдѣлали нападеніе на нихъ, воспользовавшись неясностью закона 2-го іюня 1897 года. Дѣло въ томъ, что до изданія этого закона по отношенію къ взрослымъ рабочимъ не было никакихъ правительственныхъ распоряженій о воспрещеніи работы въ праздники. Установленіе праздничныхъ дней всецѣло зависѣло отъ воли фабриканта, или, вѣрнѣе сказать, отъ соглашенія фабриканта съ рабочими, которые слишкомъ цѣпко держались за нѣкоторые, въ особенности церковные, праздники. Законъ о продолжительности рабочаго дня впервые установилъ 66 обязательныхъ праздничныхъ дней, а празднованіе остальныхъ предоставилъ волѣ фабриканта. Воспользовавшись этимъ ивановскіе фабриканты уменьшили на нѣсколько дней издавна существующее въ нашемъ районѣ число праздниковъ. Лишь только объ этомъ было объявлено рабочимъ, какъ они заволновались.

*) Песковъ. Фабричный бытъ Владимирской губ., стран. 93.

На другой же день послѣ объявленія, 22-го декабря 1897 г, забастовали рабочіе „Товарищества Мануфактуръ И. Гарелина съ Сыновьями“; тотчасъ же къ нимъ присоединились рабочіе фабрики Т — ва Мануфактуръ Н. Дербенева С — я и затѣмъ постепенно ткачи всѣхъ остальныхъ фабрикъ (кромѣ маленькой фабрики Щапова) примкнули къ забастовкѣ. Къ ткачамъ присоединились всѣ прядильщики, и скоро пламя стачки перешло и на ситцепечатныя фабрики (Фокина, Витовыхъ и др.). Это былъ первый въ нашемъ районѣ случай забастовки, въ которой приняли участіе и рабочіе ситцепечатныхъ фабрикъ. Число забастовавшихъ, съ каждымъ днемъ увеличиваясь, быстро дошло до 15 тысячъ челов.. Тогда хозяева фабрикъ, не успѣвшихъ примкнуть къ стачкѣ (Т—во Куваевской мануф., Полушинъ и друг.), сдѣлали уступки своимъ рабочимъ и тѣмъ предотвратили дальнѣйшее увеличеніе числа забастовщиковъ. Были вызваны 2 батальона солдатъ и сотня казаковъ, но насилій со стороны войскъ не было. Какъ и всегда, ткачи держались дружнѣе другихъ: они стали на работу только 13 января 1898 г., послѣ того какъ фабриканты отчасти удовлетворили ихъ требованія насчетъ праздниковъ. Ситцепечатные рабочіе уступили скорѣе, главнымъ образомъ потому, что многіе изъ нихъ, пользующіеся хозяйской квартирой, были немедленно лишены ея, какъ только примкнули къ стачкѣ. Такимъ образомъ стачка продолжалась 3 недѣли и въ ней приняли участіе 15 тысячъ человѣкъ. Все время настроеніе было самое бодрое: были фабрики, которыя только изъ чувства товарищества примкнули къ стачкѣ, хотя на нихъ и не было сокращенія праздничныхъ дней. Къ сожалѣнію, мѣстная соціальдемократическая организація, незадолго передъ тѣмъ понесшая большой уронъ, еще не успѣла къ этому времени оправиться и потому не могла принять широкаго участія въ стачкѣ. Попытка издать во время стачки листокъ не удалась, послѣ стачки были пущены по рукамъ особыя воззванія, которыя не могли имѣть большого успѣха. Нѣкоторые члены мѣстнаго Союза приняли участіе въ агитаціи и очень скоро въ качествѣ руководителей забастовавшихъ рабочихъ явились наши товарищи: ткачъ Кириллъ Николаевичъ Отроковъ, нынѣ уже умершій, и еще одинъ, фамиліи котораго мы не называемъ по конспиративнымъ соображеніямъ. Оба товарища вступали въ переговоры съ вновь забастовавшими рабочими, выясняли и формулировали ихъ требованія, объясняясь съ начальствомъ, и кстати распространяли среди стачечниковъ подходящую нелегальную литературу. По вечерамъ они собирали въ домахъ сходки, говорили о выставляемыхъ требованіяхъ и особенное вниманіе обращали на рабочихъ, которые по своимъ личнымъ качествамъ могли бы быть руководителями стачки. Оба товарища положительно обладали особеннымъ умѣньемъ говорить съ толпой и вліять на нее. Понятно, вскорѣ они были арестова-

ны въ числѣ другихъ 50 рабочихъ и затѣмъ высланы. Отроковъ былъ высланъ въ Повѣнецъ Олонецкой губ., гдѣ ему пришлось отъ нужды заняться пилкой дровъ, работой слишкомъ тяжелой для ткача. Онъ попросился въ другой городъ и здѣсь умеръ въ 1899 году отъ болѣзни сердца, вызванной переутомленіемъ...

Какъ мы уже сказали, основное требованіе стачечниковъ касалось праздниковъ, но были выставлены и другія требованія*), изъ которыхъ одно касалось охраны работницъ: это—освобожденіе женщинъ-роженицъ на одинъ мѣсяцъ отъ работы съ уплатой 8 рублей изъ штрафного капитала**). Требованіе это вполнѣ понятно, если вспомнить, что среди нашихъ ткачей половина женщинъ, находящихся въ возрастѣ 15—40 лѣтъ.

Все изложенное несомнѣнно приведетъ всякаго къ заключенію, что наши товарищи, въ особенности ткачи и прядильщики, съ честью боролись за болѣе короткій рабочій день, хорошо сознавая, что короткій рабочій день дастъ и больше здоровья, котораго такъ мало у нашихъ рабочихъ, и больше умственныхъ и нравственныхъ силъ для дальнѣйшей борьбы съ фабрикантами. А эта борьба нужна, чтобы добиться слѣдующихъ требованій:

1) 9—10-ти часового рабочаго дня для ситценепечатныхъ рабочихъ;

2) окончанія предпраздничной работы не позже 4 час. дня;

3) запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4) освобожденія роженицъ на мѣсяцъ отъ работъ съ уплатою мѣсячнаго вознагражденія за счетъ фабриканта***).

Борьба нашихъ рабочихъ за заработную плату не отличалась такимъ постоянствомъ и такимъ успѣхомъ, какъ борьба за сокращеніе рабочаго дня. Рабочимъ чаще приходилось бороться противъ пониженія платы, чѣмъ за повышеніе. Въ качествѣ примѣра приведемъ описаніе стачки (см. „Русск. Вѣдомости“ за 1895 годъ, №№ 290 и 308), бывшей осенью 1895 г. на фабрикѣ Т—ва Ив.-Вознесенской Ткацкой М-ры. Въ стачкѣ принимали участіе всѣ 2 тысячи ткачей этой фабрики и стойко держались ровно 2 не-

*) Улучшеніе медицинской помощи; сокращеніе праздничной работы; дозволеніе работы смѣнщиковъ; освобожденіе арестованныхъ товарищей; плата за простой машинъ во время стачки. О работѣ смѣнщиковъ, какъ о слишкомъ мѣстномъ требованіи, мы говорить не будемъ за недостаткомъ мѣста.

**) Высказывалось также желаніе, чтобы рабочимъ было предоставлено право контролировать расходованіе штрафного капитала.

***) Въ настоящее время роженицы освобождаются отъ работы только на 2 недѣли и получаютъ изъ штрафного капитала пособіе, равное $1^1/_2$ недѣльному заработку (постановленіе Владимирскаго Фабричнаго Присутствія).

дѣли, пока голодъ*) не заставилъ рабочихъ принять пониженную разцѣнку. Надо сказать, что въ нашемъ районѣ существуетъ два срока найма: лѣтній—съ Пасхи до 1 октября—и зимній—съ 1 октября до Пасхи. На эти же сроки устанавливаются разцѣнки для ткачей и прядильщиковъ, получающихъ сдѣльную плату. Какъ общее правило, на лѣто разцѣнки повышаются на 5—10%, а на зиму понижаются настолько же. Такъ было и въ 1895 году на всѣхъ фабрикахъ. Но Т—во Ив.-Вознесенской Ткацкой М—ры, гдѣ разцѣнки были и безъ того ниже среднихъ, съ 1 октября 1895 г. уменьшило разцѣнки на 20—25%, причемъ о новыхъ разцѣнкахъ было объявлено не за 2 недѣли, какъ это принято на другихъ фабрикахъ, а только 30 сентября. Познакомившись съ разцѣнками, ткачи тотчасъ же прекратили работу. Въ городъ прибыли солдаты, казаки и губернаторъ Теренинъ во главѣ другихъ властей. Изъ ума выжившій старикъ-губернаторъ окончательно потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать. Онъ боялся выйти къ рабочимъ и для переговоровъ посылалъ другихъ чиновниковъ, но успѣха не было. Тогда онъ пригласилъ рабочихъ къ своей квартирѣ для личныхъ объясненій. На свою бѣду онъ остановился въ домѣ фабриканта Дербенева. Во время переговоровъ кто-то изъ толпы замѣтилъ по адресу губернатора: „Что съ нимъ разговаривать! Онъ самъ состоитъ на фабричныхъ хлѣбахъ!“ Старикъ обидѣлся и отдалъ приказаніе казакамъ ударить въ нагайки. Произошло нѣчто ужасное. Правда, забастовщики успѣли уже разойтись, но по улицѣ въ это время проходили рабочіе другихъ фабрикъ, окончившіе свою смѣну. Казаки бросились на толпу и устроили настоящую бойню. Страшно били не только рабочихъ, но и случайныхъ прохожихъ изъ интеллигенціи. Многіе были настолько избиты, что ихъ пришлось отвезти въ больницу. Въ числѣ избитыхъ оказалась беременная женщина, которая черезъ 3 дня умерла въ больницѣ. Побоище раздражило не только забастовавшихъ рабочихъ; власти съ трепетомъ ожидали, что и другіе рабочіе примкнутъ къ забастовщикамъ, а потому было отдано войскамъ распоряженіе не трогать рабочихъ. Толпами ходили рабочіе по улицамъ, свободно собирались на площадяхъ.

Въ это время нѣкоторые члены мѣстнаго Рабочаго Союза, въ особенности одинъ товарищъ, много впослѣдствіи пострадавшій, приняли участіе въ стачкѣ. Эти товарищи вмѣшивались въ толпу, произносили рѣчи. Рабочіе слушали ихъ съ большимъ интересомъ и потомъ вспоминали о нихъ во время большой ив.-вознесенской стачки 1897—98 года. За ихъ интеллигентную наруж-

*) Помощь, присланная отъ петербургскихъ и московскихъ товарищей, имѣла скорѣе нравственное, чѣмъ матеріальное значеніе; своей же стачечной кассы, къ сожалѣнію, не было.

ность, за ихъ знанія рабочіе называли агитаторовъ „студентами“, хотя сами агитаторы были простые рабочіе, правда, очень развитые,

Въ это время среди ивановскихъ рабочихъ еще существовала старинная деревенская вѣра, что есть высшее начальство, которое покараетъ и казаковъ, и губернатора за устроенное ими побоище. Среди нѣкоторыхъ группъ рабочихъ подымался вопросъ объ отправкѣ жалобы къ московскому генералъ-губернатору, даже были намѣчены депутаты, но эта попытка не осуществилась. Черезъ 2 года послѣ этой стачки не было даже разговора о какихъ-либо генералъ-губернаторахъ или великихъ князьяхъ, какъ о защитникахъ рабочихъ. Ивановцы уже доросли до мысли, что противъ ихъ враговъ-фабрикантовъ у нихъ нѣтъ защитниковъ, ибо на законныя и справедливыя требованія рабочихъ правительство всегда отвѣчаетъ прикладомъ, нагайкой и пулями; даже самъ царь публично благодарилъ солдатъ, проливших кровь ярославскихъ рабочихъ.

Какъ мы уже сказали, голодъ заставилъ ткачей принять пониженныя разцѣнки, но нельзя сказать, чтобы рабочіе потерпѣли пораженіе. Хозяева Ив.-Вознесенской Ткацкой М—ры увеличили на 10% ходъ ткацкихъ станковъ, думая такимъ путемъ повысить выработку, но пряжа не выдержала такого быстраго хода, и хозяева, боясь новой стачки, принуждены были повысить разцѣнки. На стачку обратило вниманіе фабричное присутствіе; оно подтвердило всѣмъ фабрикантамъ, чтобы разцѣнки вывѣшивались по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до начала новаго срока найма. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ все-таки оказались побѣдителями стачечники, не говоря уже о томъ, что каждая стачка воспитываетъ рабочихъ. Недаромъ послѣ 2-хъ стачекъ 1895 и 1897—98 годовъ въ Ивановѣ среди массы рабочихъ пробуждается мысль объ устройствѣ стачечной кассы и даже было нѣсколько временныхъ сборовъ на пострадавшихъ рабочихъ.

Мы нарочно нѣсколько подробнѣе остановились на этой типичной стачкѣ, чтобы показать, какъ ведется борьба нашими рабочими противъ пониженія заработной платы. Приведемъ теперь цифровыя данныя о высотѣ заработной платы въ нашемъ районѣ. Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ говорить о всѣхъ группахъ рабочихъ. Поэтому приведемъ лишь свѣдѣнія о платѣ въ нашемъ районѣ прядильщикамъ, присучальщикамъ, ткачамъ и рабочимъ на ситцепечатныхъ, красильныхъ и отбѣльныхъ фабрикахъ. Все это наиболѣе многолюдныя группы рабочихъ. Наши данныя касаются платы за три періода: 1) въ 1856—58 г. г., 2) въ 1883 и 3) въ 1896 г.

	1854—58 г.	1883	1896 г.
Прядильщики	14.58	16.25	19.—
Присучальщики	5.50	10.89	13.—

	1856—58 г.	1883	1896 г.
Ткачи	11.25	11.67	12.36
Набойщики	9.67	12.74	—
Рабочіе на ситцепечатныхъ, отбѣльныхъ и красильныхъ фабрикахъ .	—	10.—	10.—

Мы приводимъ среднія мѣсячныя цифры, но на нѣкоторыхъ фабрикахъ замѣчаются значительныя отклоненія отъ средней. Въ особенности ничтоженъ заработокъ ткачей на фабрикѣ Калужскаго въ Шуѣ—всего только 6 р. 46 коп. въ мѣсяцъ—и на фабрикѣ Д. Г. Бурылина въ городѣ Ив.-Вознесенскѣ—всего 9 руб. въ мѣсяцъ. Въ частности всѣ ивановскіе ткачи, имѣя болѣе короткій день, вырабатываютъ при сдѣльной платѣ меньше другихъ ткачей, имѣющихъ болѣе продолжительный рабочій день, но зато каждый часъ труда въ Ив.-Вознесенскѣ оплачивается выше. Средній мѣсячный заработокъ ткача въ Ивановѣ—11 руб.*), средній заработокъ въ день составляетъ почти 46 коп. и въ часъ нѣсколько болѣе 5 коп. Какъ видно изъ таблицы, заработокъ большинства нашихъ рабочихъ (ткачей и рабочихъ на ситцепечатныхъ фабрикахъ) почти не увеличивается съ 1856 г., хотя стоимость жизненныхъ припасовъ значительно возросла. Такъ, наприм., ржаная мука въ 1856 г. стоила въ Ивановѣ съ небольшимъ 50 коп.; къ срединѣ 80-хъ годовъ цѣна муки повысилась вдвое, а мяса втрое. „Возможно-ли жить хоть бы порядочно, при такихъ условіяхъ?“ —говоритъ объ этомъ времени фабрикантъ Я. П. Гарелинъ**). Правда, съ тѣхъ поръ цѣна муки нѣсколько понизилась, но все-таки слѣдуетъ признать, что заработная плата въ общемъ очень низка. Вполнѣ понятно поэтому, что нашему рабочему приходится довольствоваться невозможной квартирой и плохой пищей. Рабочіе обыкновенно спятъ въ повалку, занимая не только лавки, но и полъ. Очень часто въ такихъ квартирахъ приходится на человѣка $^1/_3$ и даже $^1/_4$ кубической сажени воздуха. За право ночлега въ такихъ квартирахъ рабочіе платятъ съ человѣка отъ 1 руб. до 1 рубл. 50 коп., причемъ квартирная хозяйка обязана за эту цѣну топить квартиру, готовить кушанье изъ припасовъ рабочихъ, ставить самоваръ и, кромѣ того, давать безплатно соль, квасъ и кислую капусту. Помѣщеніе въ фабричныхъ спальняхъ и каморкахъ врядъ-ли лучшее. Правда, въ нихъ приходится теперь на каждаго рабочаго отъ $^1/_2$ до одной куб. сажени воздуха, а не отъ $^1/_3$ до $^1/_{10}$ саж., какъ это было въ 80-хъ годахъ, по отзыву фабриканта Гарелина; но и при всемъ этомъ вслѣдствіе большого скопленія людей въ одномъ зданіи постоянно испорченный воздухъ въ спальняхъ вредно отзывается на здоровьи рабо-

*) См. Продолжительность рабочаго дня и заработная плата. Изданіе Министерства Финансовъ, стр. 33.

**) Гарелинъ. Г. Иваново-Вознесенскъ, 2-я часть, стр. 103.

чихъ. Въ спальняхъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ; а если прибавить къ этому, что въ одной спальнѣ нерѣдко спитъ 300—400 человѣкъ, то будетъ понятно, что только крайняя нужда заставляетъ рабочаго идти въ эти безплатныя казармы. Низкая заработная плата отражается и на пищѣ. По отзыву фабричнаго инспектора доктора Пескова, наши рабочіе „питаются единственно почти однимъ только хлѣбомъ, пустыми щами да гречневой кашей съ постнымъ масломъ или саломъ—и лишь весьма рѣдко позволяютъ себѣ лакомиться говядиной, солониной или рыбой". (Песковъ, отчетъ 1882-83 г., стр. 107 и 108).

Въ среднемъ квартира и содержаніе обходятся каждому рабочему въ 5-6 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ изъ ничтожнаго заработка въ 10-11 руб. половина уходитъ на столъ и квартиру; но вѣдь рабочій не одинъ, у него есть дѣти и, можетъ быть, неработающая по болѣзни или старости жена, ему нужно одѣться и одѣть семью, а тамъ еще казна требуетъ съ него подати за землю, если только онъ, къ своему несчастью, не развязался съ землей. Борьба за увеличеніе заработной платы является прямо необходимой. Болѣзни, преждевременная старость и смерть принуждаютъ къ борьбѣ.

Отмѣтимъ одно печальное явленіе, которое можетъ затруднить борьбу: мы говоримъ о приближающемся кризисѣ, подъ вліяніемъ котораго фабриканты приступаютъ (янв. 1900 г.) къ сокращенію производства и часть рабочихъ уже отпустили. Какъ великъ и продолжителенъ будетъ кризисъ, сказать пока нельзя...

Такимъ образомъ борьба за сокращеніе рабочаго дня и борьба противъ попытокъ фабрикантовъ понизить заработную плату проходятъ у насъ красной нитью черезъ всю исторію рабочаго движенія за послѣднія 15 лѣтъ. Но для полноты картины мы должны отмѣтить, что много также силъ пришлось потратить рабочимъ въ борьбѣ противъ фабричныхъ лавокъ, штрафовъ, вычетовъ и разныхъ другихъ продѣлокъ со стороны фабрикантовъ. По удостовѣренію владимирскаго фабричнаго инспектора Микулина, фабричная лавка была въ 80-хъ годахъ особымъ доходнымъ предпріятіемъ для фабриканта и иногда приносила большій доходъ, чѣмъ фабрика, ибо рабочіе принуждены были брать товаръ въ хозяйской лавкѣ и по цѣнамъ чрезмѣрно высокимъ. Правильныхъ выдачъ денегъ въ то время не было, и рабочіе, нуждаясь въ деньгахъ, брали въ хозяйской лавкѣ первый попавшійся товаръ и продавали его на сторону за безцѣнокъ*). При нѣкоторыхъ фабричныхъ лавкахъ были даже кабаки (Песковъ, стр. 102 и 105), гдѣ рабочіе спаивались. Штрафы въ то время шли въ карманъ фабриканта и потому назначались очень часто и по самымъ

*) Микулинъ. Очерки изъ исторіи примѣненія закона 1886 г., стр. 85.

ничтожнымъ поводамъ. Вычетамъ также не было конца. Очень часто на больницы взыскивалось съ рабочихъ значительно больше, чѣмъ стоило содержаніе ихъ (Песковъ, стр. 74). Выдача денегъ часто задерживалась на нѣсколько мѣсяцевъ, и только путемъ забастовки рабочіе получали плату. Фабричный инспекторъ Микулинъ разсказываетъ, что на одной большой фабрикѣ во Владимирской губ. плата не выдавалась въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Рабочіе въ количествѣ 2 тысячъ человѣкъ забастовали и немедленно получили плату*). Въ другомъ случаѣ рабочіе не догадались прибѣгнуть къ стачкѣ. Фабрикантъ былъ нѣсколько разъ оштрафованъ фабричнымъ инспекторомъ**), но и послѣ оштрафованія долго не выдавалъ платы. Понятно, подобная безсовѣстная эксплуатація не оставалась безнаказанной: рабочіе повсюду волновались, и эти волненія (въ особенности знаменитая стачка 1885 года на фабрикѣ Т-ва Никольской М-ры Саввы Морозова)***), были причиной изданія закона 3-го іюня 1886 года, по которому, между прочимъ, штрафы не идутъ въ карманъ фабрикантовъ. Само правительство при обсужденіи этого закона въ Государственномъ Совѣтѣ признало, что волненія рабочихъ побуждаютъ его издать законъ, который имѣетъ цѣлью „положить предѣлъ неблаговиднымъ дѣйствіямъ тѣхъ фабрикантовъ, которые прибѣгаютъ къ штрафамъ, какъ къ средству пониженія заработной платы, чѣмъ *вызываютъ волненія среди рабочихъ, доходящія нерѣдко до открытыхъ безпорядковъ*“.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ подробно остановиться на этомъ вопросѣ; скажемъ только, что теперь въ нашемъ районѣ плата уже нигдѣ не выдается продуктами; расплата производится деньгами и притомъ въ опредѣленные закономъ сроки; штрафы не идутъ въ карманъ фабриканта, а поступаютъ въ пособіе рабочимъ. Однимъ словомъ, исключительно благодаря стачкамъ, заставившимъ правительство издать законъ 3-го іюня 1886 года, прекратился рядъ тѣхъ безобразій, которыя существовали до изданія этого закона.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ исторіи рабочаго движенія въ нашемъ районѣ? Несомнѣнно, за послѣднія 15 лѣтъ положеніе рабочихъ измѣнилось къ лучшему, и своимъ улучшеніемъ рабочіе обязаны исключительно себѣ. Фабрикантъ старается выжать побольше соковъ изъ рабочихъ, а правительство помогаетъ

---

*) Микулинъ, н. с. стр. 43, 44.

**) Не удивляйтесь, что фабрикантъ былъ оштрафованъ фабричнымъ инспекторомъ. Въ 80-хъ годахъ фабричные инспектора были болѣе порядочный народъ, чѣмъ теперь; нѣкоторые изъ нынѣшнихъ, въ особенности назначенные изъ бывшихъ губернскихъ механиковъ, не брезгаютъ даже взятками.

***) См. брошюру „Десятилѣтіе морозовской стачки.“

фабриканту; оно охотно посылаетъ войска противъ рабочихъ и отправляетъ въ тюрьмы тѣхъ сознательныхъ рабочихъ, которые помогаютъ своимъ слѣпымъ товарищамъ выбиться на дорогу свободы, братства и счастья. Только энергичная борьба съ фабрикантами и правительствомъ поможетъ рабочимъ завоевать себѣ лучшую долю и основать то царство труда и братства, которое зовется соціалистическимъ строемъ.

Заря новой жизни уже показалась надъ нашей несчастной страной: всѣ сознательные рабочіе и другіе люди, сочувствующіе рабочимъ, образовали Россійскую Соціальдемократическую Рабочую Партію, которая имѣетъ комитеты: Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Донской, Екатеринославскій, Иваново-Вознесенскій. Въ тѣсномъ союзѣ съ русскими рабочими находятся и еврейскіе товарищи.

II.

Разскажемъ теперь, какъ зародился нашъ Ив.-Вознесенскій Комитетъ. — Г. Иваново-Вознесенскъ уже давно представлялъ изъ себя замѣчательную почву для пропаганды, но о дѣятельности прежнихъ пропагандистовъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ, да и врядъ-ли они гдѣ существуютъ. Среди нашихъ рабочихъ ходятъ разсказы, что въ 70 годахъ въ Иваново пріѣзжали какіе-то интеллигенты, поступали на фабрики въ качествѣ ткачей и раздавали рабочимъ книжки. Говорятъ также, что въ Ивановѣ одно время работала Лидія Фигнеръ, судившаяся по процессу 50-ти въ Москвѣ, называютъ еще Софью Львовну Перовскую, Нечаева; но, къ сожалѣнію, при всемъ стараніи нашимъ товарищамъ не удалось отыскать тѣхъ рабочихъ, которые были непосредственно знакомы съ прежними пропагандистами. Какъ бы то ни было, но въ теченіе 80-хъ годовъ ни о какихъ кружкахъ среди рабочихъ не слышно, и образованіе перваго кружка, объединившаго нѣсколькихъ мѣстныхъ интеллигентовъ и рабочихъ, относится къ началу 1890 года.

Кружокъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ цѣли самообразованія и отчасти пропаганды, но никакой опредѣленной окраски не имѣлъ. Послѣ ареста въ 1891 г. главарей (И. О. Слуховскій, Крестовъ, Ноздринъ, Ларіоновъ, Ерасси и др.) кружокъ распался окончательно. Между тѣмъ, ивановскіе рабочіе, уже воспитанные предшествовавшей борьбой, представляли изъ себя благодарную почву для воспріятія соціалистическихъ идей. Недоставало только искорки, чтобы зажечь пожаръ, и эту искру привезъ съ собой одинъ интеллигентъ*), высланный сюда изъ другого города. Этотъ

*) Чтобы не дать матеріала, пригоднаго для жандармеріи, мы не называемъ фамилій товарищей. Оглашаются нами только имена умершихъ или арестованныхъ.

товарищъ въ 1892 г. положилъ начало ивановской боевой рабочей организаціи, существующей до сихъ поръ, несмотря на всѣ погромы. Быстро составился кружокъ въ 7 челов. рабочихъ, надъ которыми первое время, понятно, пришлось много работать. Однимъ изъ первыхъ попалъ въ кружокъ ткачъ Кириллъ Николаевичъ Отроковъ, которому въ то время было 20 л. Онъ болѣе другихъ рабочихъ интересовался религіозными вопросами, котор. вообще очень занимаютъ молодыхъ рабочихъ. Вскорѣ, однако, удалось направить мысли рабочихъ на разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ. О тяжеломъ экономическомъ положеніи русскихъ рабочихъ говорить долго, конечно, не приходилось: это былъ слишкомъ очевидный фактъ. Гораздо большее вниманіе удѣлялось положенію западно-европейскихъ рабочихъ, сравненію этого положенія съ русской дѣйствительностью и выясненію тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ наши заграничные товарищи добились лучшей доли. Книга Беллами: „Черезъ 100 лѣтъ“ въ то время принесла большую пользу. Вскорѣ основатель кружка долженъ былъ на 2 года оставить Ив.-Вознесенскъ, а въ это время искорки все болѣе и болѣе разгорались. Члены кружка собирались, читали, учились и привлекали все новыхъ и новыхъ членовъ. Много было невыясненнаго у этихъ юнцовъ, оставшихся безъ всякаго руководителя; была у нихъ программа, но никто не могъ ни растолковать, ни защитить ее, какъ слѣдуетъ. Въ это время въ кружкѣ былъ поднятъ вопросъ о значеніи потребительныхъ обществъ, а нѣкоторые, въ особенности Отроковъ, всегда упорный и энергичный въ практическихъ дѣлахъ, настаивали на необходимости открыть свою собственную потребительную лавку; но эта мысль не осуществилась. Въ теченіе первыхъ 2 лѣтъ число членовъ кружка дошло до 15 чел., причемъ была основана касса. Съ возвращеніемъ въ Ив.-Вознесенскъ основателя кружка публика ободрилась и оживилась, а вмѣстѣ съ общимъ одушевленіемъ и цѣли организаціи болѣе выяснились. Лѣтомъ 1895 г. Отроковъ предложилъ расширить дѣятельность кружка привлеченіемъ болѣе широкаго круга рабочихъ. Число участниковъ кружка, теперь уже названнаго Ив.-Вознесенскимъ Рабочимъ Союзомъ, все увеличивалось. Собранія были многолюдныя и оживленныя. Кромѣ кассы, у Союза была библіотека съ значительнымъ количествомъ легальныхъ и нелегальныхъ книгъ; былъ выработанъ уставъ Союза.

Въ это время (октябрь 1895 г.) разразилась описанная выше стачка на фабрикѣ Товарищества Ив.-Вознесенской Ткацкой М—ры. Стачка ребромъ поставила вопросъ объ отношеніи Рабочаго Союза къ массовому движенію. Работа въ организаціи, привлеченіе новыхъ членовъ, распространеніе легальныхъ и нелегальн. книгъ, однимъ словомъ, пропаганда не удовлетворяла уже многихъ членовъ: они стремились къ агитаціи, стремились дѣйствовать

на всю рабочую массу. Возникли горячіе споры по вопросу, принять или не принимать участія въ стачкѣ; но въ концѣ концовъ, въ виду слабости организаціи, было рѣшено воздержаться отъ участія въ стачкѣ, выступленіе же съ прокламаціями, полагали тогда, можетъ повести къ разгрому еще неокрѣпшаго Рабочаго Союза. Понятно, такое рѣшеніе не мѣшало нѣкоторымъ членамъ участвовать въ стачкѣ, но уже не отъ имени Союза. Объ агитаціи этихъ лицъ во время стачки мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ.

Къ веснѣ 1896 г., съ увеличеніемъ числа членовъ, выяснилась необходимость составить двѣ программы: одну — для болѣе сознательныхъ рабочихъ съ выясненіемъ отдаленныхъ соціалистическихъ цѣлей, а другую — для широкой рабочей массы съ цѣлью выясненія ближайшихъ цѣлей рабочаго движенія, причемъ въ основу было поставлено устройство стачечныхъ кассъ. Для выполненія второй программы нуженъ былъ практикъ, и Отроковъ горячо принялся за это дѣло. Его часто можно было видѣть среди простыхъ ткачей, которымъ онъ читалъ или объяснялъ что-нибудь изъ политической экономіи или другой отрасли знанія. Онъ самъ медленно усваивалъ идеи, но, разъ усвоивъ что-либо хорошее, онъ шелъ въ толпу и просвѣщалъ ее. Самъ по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаясь отъ толпы (онъ былъ невзрачный, небольшого роста, рябоватый), Отроковъ умѣлъ подойти къ толпѣ и подѣйствовать на нее. По своему развитію онъ былъ въ нашемъ Союзѣ ниже другихъ товарищей, болѣе молодыхъ и болѣе бойкихъ, но сама рабочая жизнь съ ея насущными требованіями выбила его на поверхность и во время большой стачки 1897 года сдѣлала изъ Отрокова героя. Другая, не рабочая среда врядъ-ли бы выдвинула на 1-ое мѣсто этого тихаго, не бойкаго, но безусловно честнаго человѣка, искренно преданнаго рабочему дѣлу. Характеризуя покойнаго Отрокова, мы нѣсколько зашли впередъ.

Итакъ, къ началу 1896 г. мѣстный Союзъ замѣтно увеличился. Въ это время была сдѣлана попытка установить связь съ Шуей и Кохмой, но недостатокъ средствъ, необходимыхъ для посылки делегатовъ, тормозилъ это дѣло; тѣмъ не менѣе, связь была установлена. Было приступлено также къ составленію (въ соціалистическомъ духѣ) словаря иностранныхъ словъ, въ которомъ такъ нуждаются наши въ общемъ малограмотные рабочіе, но эта попытка не осуществилась.

Въ февралѣ 1896 года, по доносу ж.-д. рабочаго Закса *), было сдѣлано первое нападеніе на нашу организацію: были произведены

*) Негодяй получилъ за доносъ 30 р. и думалъ, что ему будутъ давать такую сумму ежемѣсячно, но онъ болѣе ничего не получилъ отъ жандармеріи.

массовые аресты, но вскорѣ всѣ арестованные были освобождены. Въ началѣ лѣта былъ арестованъ рабочій Н. Н. Кудряшевъ и вторично взяты чертежникъ Ѳ. А. Кондратьевъ (бывшій студентъ Спб. Технологическаго Института) и переплетчикъ А. А. Евдокимовъ, а затѣмъ къ нимъ были присоединены: ткачъ Маховъ, токарь А. Ѳ. Орѣховъ, Тепляковъ, граверъ Масленниковъ, слесаря Леонтьевъ и Полонниковъ, Палычаловъ и др. лица. Всѣ они обвинялись въ составленіи Рабочаго Союза и были приговорены административнымъ порядкомъ (т. е. безъ суда) къ слѣдующимъ наказаніямъ: Кондратьевъ — 6 мѣсяцевъ заключенія въ Крестѣ и 3 года надзора; Евдокимовъ — 4 мѣс. тюрьмы и 2 года надзора; Кудряшевъ, Тепляковъ и Маховъ по 2 м. тюрьмы и по 2 г. надзора, а остальнымъ всѣмъ 1—2 года надзора.

Въ первое время погромъ произвелъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Нѣкоторые члены, преимущественно семейные, вышли изъ Союза, но наиболѣе преданные дѣлу вскорѣ успѣли сплотить оставшихся, такъ что уже къ осени 1896 года Союзъ зажилъ прежнею жизнью. Снова начались оживленныя собранія, и на первыхъ порахъ нужно было подумать объ упроченіи организаціи. Хорошихъ квартиръ для собраній не было, а многолюдныя сходки привлекали вниманіе жандармеріи; поэтому было приступлено къ выработкѣ новаго устава. Было рѣшено организовать по возможности на каждой фабрикѣ свой кружокъ, а затѣмъ представители отдѣльныхъ кружковъ должны были войти въ число членовъ центральнаго Иваново-Вознесенскаго Рабочаго Союза. Кстати надо было подумать о выработкѣ изъ среды рабочихъ достаточнаго количества руководителей отдѣльными кружками, ибо интеллигентныхъ силъ почти не было, а хорошо развитыхъ рабочихъ не хватало для всѣхъ кружковъ. Были выработаны программы для самостоятельныхъ занятій въ кружкахъ; но программа не замѣнитъ человѣка, а потому пришлось принять близкое участіе въ дѣлѣ лицамъ, хорошо извѣстнымъ полиціи. Въ маѣ 1897 г. удалось устроить майскій праздникъ, который прошелъ очень оживленно и показалъ, что число членовъ Союза сильно возростаетъ; а это сознаніе несомнѣнно придавало всѣмъ участникамъ еще больше силы и энергіи. Но счастливые дни организаціи уже были сочтены. 8 и 9 іюня 1897 г. былъ произведенъ новой погромъ и были арестованы: учительница О. А. Варенцова, акушерка А. И. Хрящева (работавшая ткачихой), фельдшеръ Н. С. Кондратьевъ, рабочіе Д. Л. Бутинъ, Л. В. Кулдинъ, Муравьевъ, Грачевъ, И. А. Кондратьевъ (бывшій реалистъ, работавшій на фабрикѣ), Е. Соловьевъ, Архангельскій, Шаровъ, Мокруевъ, Новиковъ, прикащица въ книжномъ магазинѣ М. А. Капацинская и другіе. Къ нимъ было предъявлено грозное обвиненіе по 318 ст. Улож., сведенное по-

томъ на 320 и 322 ст. Улож. о наказаніяхъ*). Во время погрома были произведены обыски у лицъ, совершенно непричастныхъ къ Рабочему Союзу. Не зная, какимъ путемъ попадаетъ въ Ив.-Вознесенскъ такъ много нелегальной литературы, жандармерія, въ лицѣ генерала Воронова, ротмистра Тимоѳеева и товарища прокурора Скопинскаго, глубокомысленно рѣшила, что нелегальныя книги продаются въ единственно имѣющейся у насъ книжной лавкѣ Ереминой. Но жандармерія жестоко ошиблась. По внезапно произведенному обыску въ лавкѣ нелегальныхъ книгъ не оказалось; но такъ какъ тамъ много распродавалось книгъ по рабочему вопросу и экономикѣ, то лавку, какъ способствующую просвѣщенію рабочихъ, закрыли административнымъ порядкомъ. По дѣлу о книжной лавкѣ, устроенной по подпискѣ мѣстной интеллигенціей, допрашивались техники, врачи, одинъ изъ городскихъ судей и другія лица. Жандарму Воронову, только что произведенному въ генералы за погромъ 1896 г., хотѣлось еще болѣе отличиться: мечтая о новыхъ наградахъ, онъ просилъ Департаментъ Полиціи разрѣшить ему привлечь къ дѣлу рабочихъ въ качествѣ обвиняемыхъ и тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ книжной лавкѣ, но это ему не удалось.

Послѣ первыхъ допросовъ многіе арестованные были освобождены, и остались въ тюрьмѣ Н. С. Кондратьевъ, О. Варенцова, Хрящева Д. Бутинъ и В. Муравьевъ. Нѣкоторые рабочіе вели себя на допросахъ далеко не стойко, что можно объяснить ихъ неопытностью и испугомъ, но самую непривлекательную роль сыгралъ В. И. Муравьевъ. Подъ вліяніемъ убѣжденій товарища прокурора Скопинскаго, Муравьевъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (около 3-хъ) тюремнаго заключенія написалъ полное признаніе, причемъ коснулся участія въ дѣлѣ и другихъ лицъ. отчасъ же послѣ признанія Муравьевъ былъ освобожденъ, а вскорѣ былъ выпущенъ Бутинъ и Кондратьевъ, Варенцова же и Хрящева, какъ рецидивистки**), были переведены въ губернскую тюрьму.

Приговоръ по этому дѣлу былъ объявленъ въ январѣ 1898 г. причемъ Варенцева и Хрящева были сосланы на 2 г. въ Уфимскую губер. (гор. Бирскъ), а остальные приговорены: Н. С. Кондратьевъ—2 года надзора, съ высылкой изъ Ив.-Вознесенска, Капацинская — 1 годъ надзора, Шаровъ, Муравьевъ и Бутинъ по 2 года надзора, Е. Соловьевъ — 5 мѣс. тюрьмы и 3 года высылки, Кулдинъ—3 мѣсяц. тюрьмы и 2 года высылки, Грачевъ—2 мѣс. тюрьмы и 2 года высылки, Ив. Кондратьевъ — 2 мѣс. тюрьмы и 1 годъ высылки, Мокруевъ — 1 мѣс. тюрьмы и 1 годъ высылки

*) Указанныя статьи говорятъ о принадлежности къ тайнымъ сообществамъ.

**) Онѣ привлекались уже второй разъ, но первый разъ не въ Ивановѣ.

(потомъ прибавили еще годъ), Новиковъ—2 м. тюрьмы и 1 годъ высылки.

Испугъ, произведенный вторымъ погромомъ, скоро прошелъ. Снова начали собираться товарищи, но они далеко еще не оправились, какъ началась (22-го декабря 1897 г.) новая стачка, принявшая небывалые размѣры. Послѣ іюньскаго погрома оказалось непосильнымъ для Союза принять широкое участіе въ стачкѣ; къ тому же нужно было дорожить уцѣлѣвшими товарищами, ибо предстояло много работы въ Союзѣ. Какъ мы уже говорили выше, только отдѣльные члены Союза принимали участіе въ стачкѣ, причемъ самую блестящую роль сыгралъ Отроковъ, которому удалось, между прочимъ, привлечь къ стачкѣ ту фабрику, гдѣ онъ работалъ (фабрика Антона Гандурина).

Въ январѣ 1898 года, съ отъѣздомъ осужденныхъ товарищей, недостатокъ въ болѣе развитыхъ членахъ сказался еще сильнѣе. Вотъ въ это-то время были завязаны сношенія съ Московскимъ Рабочимъ Союзомъ, но эти сношенія по несчастной случайности причинили только вредъ нашему Союзу. Въ мартѣ 1898 г. въ Москвѣ были произведены аресты, причемъ выяснилась связь Москвы съ Ив.-Вознесенскомъ; но особенно повредили ивановцамъ признанія, сдѣланныя москвичами С. А. Щербаковымъ и Ситнинымъ. 17 іюня 1898 г. въ Иваново былъ арестованъ учитель Ѳ. И. Щеколдинъ и одинъ его родственникъ, не имѣвшій ровно никакого отношенія къ рабочему дѣлу. Черезъ 2 дня они были освобождены, но уже въ концѣ августа было арестовано около 30 ч.: портниха Валодина, Зимина, рабочіе Курочкинъ, Филиппъ Гаравинъ, Михаилъ Гаравинъ, С. Г. Гришановъ, С. И. Кисляновъ, А. Д. Трегубовъ, Р. М. Семенчковъ, А. Шапатинъ, Тарасовъ, Парфеновъ, А. Гудковъ, С. Т. Граматовъ, Мирыгановъ, С. А. Ворониннъ, В. Соловьевъ и другіе, къ которымъ вскорѣ присоединили Ѳ. И. Щеколдина и его родственника Н. И. Кулакова. Большинство рабочихъ было скоро (черезъ 3 дня) освобождено, но Мих. Гараванъ, Зимина, Тарасовъ, Парфеновъ и Кулаковъ просидѣли въ тюрьмѣ до 18-го сентября; Щеколдинъ же, Володина, Курочкинъ, Филиппъ Гаравинъ, Кисляновъ и Гришановъ въ концѣ ноября изъ Владимирской тюрьмы были переведены въ Московскую для дополнительнаго дознанія. Въ Москвѣ, къ нашему глубокому прискорбію, пришлось навсегда разстаться съ 2 товарищами: 25 ноября 1898 г. Филиппъ Яковлевичъ Гаравинъ, и ранѣе страдавшій чахоткой, не вынесъ одиночества и бросился съ площадки третьяго этажа, причемъ разбилъ себѣ голову, сломалъ ногу и умеръ въ тюрьмѣ. Тамъ же умеръ и Павелъ Арефьевичъ Курочкинъ, а остальные освобождены въ мартѣ 1899 года.

Въ смерти обоихъ товарищей мы обвиняемъ русское правительство: оно своими одиночными и невозможными тюрьмами доводитъ людей до преждевременной смерти и до самоубійства.

Нашимъ заключеннымъ было въ особенности плохо во Владимирской тюрьмѣ, гдѣ, по распоряженію жандармскаго генерала Воронова, рабочимъ не давали никакихъ книгъ; кромѣ того ихъ кормили здѣсь отвратительной пищей.

Товарищи, никогда не забывайте этихъ жертвъ царскаго произвола и всегда помните, что у васъ два заклятыхъ врага — фабриканты и правительство; обоимъ надо отомстить за всѣ тѣ страданія, которыя они причиняютъ всѣмъ честнымъ и бѣднымъ!...

Приговоръ по дѣлу еще не объявленъ.

Обвиненіе было объявлено по 318 ст. Уложенія о наказ., въ принадлежности къ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, причемъ дѣло велось въ связи съ Московскимъ Союзомъ.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о нашихъ Кохомскихъ товарищахъ, которые, работая самостоятельно, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нашимъ Союзомъ. Первый погромъ здѣсь былъ въ декабрѣ 1897 г., но не принесъ никакого вреда. Въ маѣ и іюнѣ 1898 г. тамъ были арестованы рабочіе: Смирновъ, Алалыкинъ, Кашниковъ и Першинъ, а въ октябрѣ и ноябрѣ того же года къ нимъ были присоединены: Марковкинъ, Китаевъ, Титовъ и Р. Семенчиковъ. Приговоръ пока не объявленъ.

Въ Шуѣ также были погромы, чаще всего въ связи съ Ивановскими, но значительно меньшіе. Къ сожалѣнію, списка арестованныхъ шуйскихъ товарищей у насъ сейчасъ нѣтъ подъ рукой.

Помимо сильнаго погрома, въ 1898 году случилось еще одно важное событіе въ нашей жизни. Лѣтомъ 1898 года въ Ивановѣ былъ полученъ Манифестъ Россійской Соціальдемократ. Рабочей Партіи, который сначала не произвелъ на товарищей сильнаго впечатлѣнія, не прибавилъ бодрости и энергіи; но уже къ осени 1898 г. началось горячее обсужденіе его, а вмѣстѣ съ этимъ нашъ Рабочій Союзъ преобразовался въ Иваново-Вознесенскій Комитетъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи. Теперь мы не одни: мы соединились съ другими товарищами, чтобы лучше бороться съ правительствомъ противъ политическаго гнета, а съ фабрикантами—противъ экономическаго рабства.

Припомните, товарищи, что въ 1892 г. насъ было всего лишь семь человѣкъ, въ 1895 г.—15 чел., а теперь насъ цѣлыя сотни. Мы пережили три страшныхъ погрома въ 1896, 1897 и 1898 гг., лишились болѣе сотни товарищей, но мы не ослабли. Чѣмъ болѣе правительство гонитъ насъ, тѣмъ болѣе становится для всѣхъ очевиднымъ, что правда на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ правительства и фабрикантовъ. Каждый погромъ шевелитъ массу и вызываетъ въ ней сочувствіе къ тѣмъ честнымъ бойцамъ, которые страдаютъ за общее дѣло. Такъ гнали и нашихъ загранич-

ныхъ друзей, но, несмотря на всѣ ссылки и заключенія, число ихъ все болѣе и болѣе росло. Теперь ихъ милліоны, но и у насъ тысячи бойцовъ, объединенныхъ въ одной Рабочей Партіи.

Теперь въ Иваново нагнали новыхъ шпіоновъ въ лицѣ фабричной полиціи, каждую фабрику превратили въ участокъ съ кутузкой, но не унывайте: битва за правду непремѣнно будетъ выиграна!

Подадимъ же, товарищи, другъ другу руки и въ братскомъ союзѣ пойдемъ впередъ!..

„Лишь тотъ достоинъ счастья и свободы,
Кто неустанно борется за нихъ!“

—=◎=—.

НАШИ ЖЕРТВЫ.

1899-ый годъ прошелъ у насъ въ Иваново-Вознесенскѣ безъ обычнаго ежегоднаго погрома, но онъ унесъ 4-хъ дорогихъ нашихъ товарищей: Кирилла Николаевича Отрокова, Филиппа Яковлевича Гаравина, Александра Ѳедоровича Орѣхова и Павла Арефьевича Курочкина. Всѣ они—жертвы самодержавнаго насилія, поддерживающаго фабрикантовъ. Для насъ дорога память объ этихъ товарищахъ, а потому приведемъ хоть краткія свѣдѣнія объ ихъ жизни.

Кириллъ Николаевичъ Отроковъ родился въ февр. 1871 г. въ одной изъ деревень Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи. Отецъ его—зажиточный, но грубый крестьянинъ, а мать—добрая религіозная женщина. Скоро родители переселились въ Иваново-Вознесенскъ, гдѣ отецъ открылъ кабакъ, а 9-лѣтняго мальчика отдали въ земскую школу. Торговля не пошла, отецъ сталъ пить, и сына до окончанія курса взяли изъ школы помогать отцу въ торговлѣ, но дѣло не улучшилось. Отецъ продолжалъ усиленно пить, и въ семьѣ водворился адъ; торговля окончательно пала, послѣ чего К. Н. отдали въ лавку мальчикомъ, а мать поступила на фабрику. Послѣ смерти отца К. Н. 14 лѣтъ также поступилъ на ткацкую фабрику; вскорѣ заболѣла мать и мальчику пришлось содержать ее у себя. Борясь съ нуждой, юноша часто задумывается надъ положеніемъ рабочихъ и въ то же время читаетъ книги, взятыя въ библіотекѣ или у товарищей. Въ 1892 г. К. Н. попадаетъ въ рабочій кружокъ, гдѣ сначала находитъ отвѣтъ на мучившіе его религіозные вопросы, затѣмъ переходитъ къ изученію рабочаго вопроса у насъ въ Россіи и на Западѣ. Въ то же время онъ увлекается мыслью — основать въ Ивановѣ по-

требительное общество. Въ 1897 году К. Н. привлекался къ дѣлу Варенцовой и другихъ, но былъ оправданъ.

Въ декабрѣ 1897 онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ стачкѣ, гдѣ и сыгралъ выдающуюся роль, о чемъ мы говорили раньше. Во время стачки былъ арестованъ и административнымъ порядкомъ высланъ въ Повѣнецъ, Олонецкой губ., гдѣ, не имѣя подходящей работы, терпѣлъ страшную нужду. Приходилось за 30 коп. въ день пилить дрова, а такая работа для ткача слишкомъ тяжела. По просьбѣ К. Н. его перевели въ другой городъ, гдѣ онъ и умеръ въ августѣ 1899 г. отъ болѣзни сердца, произшедшей отъ переутомленія.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!..

Павелъ Арефьевичъ Курочкинъ былъ значительно моложе Отрокова: онъ родился въ январѣ 1879 г. въ дер. Чупринѣ, Шуйскаго уѣзда, Владимирской г. Семья П. А. самая простая. Только братъ грамотный; но зато отецъ умный, честный, трудолюбивый; онъ остроумный шутникъ, часто очень мѣткій и ѣдкій. Зная цѣну образованія, онъ всегда былъ на сторонѣ просвѣщенія и предоставилъ сыну полную возможность учиться. Въ школу (Митрофаньевскомъ погостѣ) мальчикъ поступилъ въ 1899 году уже грамотнымъ и черезъ 2 года кончилъ курсъ, но остался при школѣ еще на годъ для пополненія образованія. Въ школѣ П. А. проявилъ большія способности и очень много читалъ, не только въ свободное время, но и за обѣдомъ и чаемъ. Онъ былъ живой и подвижный мальчикъ: любилъ и пошалить, и сострить, при этомъ онъ былъ настолько впечатлителенъ, что во время одного экзамена упалъ въ обморокъ. Вскорѣ за свои познанія мальчикъ былъ выбранъ школьнымъ библіотекаремъ, а затѣмъ въ теченіе цѣлаго года состоялъ помощникомъ учителя. Въ Иваново-Вознесенскъ онъ прибылъ въ началѣ 1895 г. и одно время работалъ за небольшое вознагражденіе въ ткацкой конторѣ Иваново-Вознесенской Ман—ры, а затѣмъ работалъ на печатной машинѣ на фабрикѣ Полушина. Благодаря рекомендаціямъ, Н. А. очень скоро сошелся съ сознательными рабочими. Будучи юношей 17-18 л., П. А. уже свободно говорилъ на сходкахъ, хотя и не обладалъ ораторскимъ талантомъ; за свое развитіе онъ пользовался большимъ уваженіемъ среди товарищей. Какъ слишкомъ молодой человѣкъ, П. А. иногда хотѣлъ блеснуть красивой фразой; но несомнѣнно одно, что всѣ его силы, средства и время принадлежали дорогому ему рабочему дѣлу. Его квартира всегда служила мѣстомъ для сходокъ. Никогда не былъ П. А. трусомъ. Когда его въ числѣ другихъ арестовали въ августѣ 1898 г., онъ былъ веселъ, шутилъ, острилъ и оживлялъ окружающихъ. Его отправили въ Шуйскую тюрьму, а затѣмъ во Владимирскую, гдѣ по распоряженію жандармскаго генерала Ворова. никакихъ книгъ ему

не давали. Одиночное заключеніе, отсутствіе книгъ и скверная тюремная пища слишкомъ сильно подѣйствовали на этого живого и впечатлительнаго 19-лѣтняго юношу. Въ ноябрѣ 1898 г. онъ былъ переведенъ въ Московскую тюрьму, гдѣ скоро и умеръ, но день его смерти намъ неизвѣстенъ. Отецъ съ мужествомъ перенесъ это ужасное извѣстіе о смерти своего любимца—сына и даже теперь, когда сердце его разрывается на части, онъ посылаетъ упреки по вѣрному адресу. Несомнѣнно въ лицѣ П. А. мы лишились восторженнаго, честнаго юношу, который современемъ представлялъ бы изъ себя очень крупную величину.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!..

Филиппъ Яковлевичъ Гаравинъ, приблизительно такихъ же лѣтъ, какъ и Курочкинъ. Насколько хороша семья у послѣдняго, настолько она плоха у Ф. Я. Правда, отецъ его грамотный, но это тупица, скряга, бичъ своей семьи, которую онъ морилъ голодомъ. Ф. Я. совсѣмъ не учился въ школѣ, ибо еще мальчикомъ былъ отданъ на одинъ изъ мелкихъ заводовъ, гдѣ сынъ владѣльца выучилъ его грамотѣ. Благодаря хорошему вліянію нѣкоторыхъ родственниковъ и товарищей, мальчикъ въ свободное время усердно учился и потомъ писалъ почти безъ ошибокъ. При страстномъ желаніи учиться, онъ обладалъ и способностями, но еще лучше была его душа. Мягкій, вдумчивый, скромный, онъ держалъ себя такъ просто, что пользовался общей любовью. Къ несчастью, чахотка, повидимому, уже давно свила себѣ гнѣздо въ слабой груди этого милаго юноши. Подъ вліяніемъ болѣзни, въ немъ развилась неувѣренность въ своихъ силахъ, при полной готовности отдать ихъ на доброе дѣло.

Несчастный, какъ бы уже заранѣе вычеркнувшій себя изъ списка кандидатовъ на жизнь, нисколько не жалѣлъ себя. Честность и преданность его дѣлу были прямо трогательны. Работая ткачемъ на фабрикѣ Александра Гарелина, онъ самостоятельно завѣдывалъ небольшимъ кружкомъ рабочихъ, а лѣтомъ 1898 г. ѣздилъ въ Ярославль, чтобы образовать тамъ рабочій союзъ. 3-го сент. 1898 г. Ф. Я. былъ арестованъ вмѣстѣ съ Курочкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ же испыталъ всѣ тяжелыя условія Владимирской тюрьмы, а затѣмъ былъ доставленъ въ Московскую тюрьму. За время мыканья по тюрьмамъ злой недугъ еще болѣе усилился и 25 ноября 1898 г. несчастный страдалецъ бросился съ площадки 3-го этажа, причемъ разбилъ себѣ голову, сломалъ ногу и умеръ въ тюремной больницѣ. Жестокій отецъ, узнавъ о смерти сына, совсѣмъ отказался отъ него. Несомнѣнно, тюрьма ускорила смерть нашего больного, душевнаго друга...

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!..

Александръ Ѳедоровичъ Орѣховъ происходилъ изъ крестьянъ д. Иваново, Шуйскаго уѣзда, Владимирской губ. Онъ началъ свою

жизнь при болѣе сносной обстановкѣ, чѣмъ наши друзья Отроковъ и Гаравинъ. Отецъ А. Ѳ.—ткацкій подмастерье (а по временамъ слесарь) далъ сыну возможность окончить курсъ въ Ив.-Вознесенскомъ училищѣ для дѣтей мастеровыхъ и рабочихъ (курсъ равняется городскому шестиклассному училищу). По окончаніи курса, А. Ѳ. нѣкоторое время работалъ въ г. Шуѣ въ механической мастерской своего дяди Шишалова, а затѣмъ перешелъ въ Москву, гдѣ, въ качествѣ токаря по металлу, работалъ на разныхъ заводахъ и послѣднее время былъ помощникомъ машиниста на николаевской жел. дорогѣ. По широтѣ размаха и легкости руки, а иногда и по любви къ дебошу онъ былъ типичнымъ мастеровымъ. Будучи знатокомъ своего ремесла, А. Ѳ. имѣлъ всегда хорошій заработокъ, чему помогала хорошая школьная подготовка и общая его интеллигентность. Послѣ Москвы А. Ѳ. переселяется въ Иваново и здѣсь стремится познакомиться съ сознательными рабочими; но при первомъ же знакомствѣ онъ былъ арестованъ (въ 1896 г.) и при томъ совершенно случайно. На заводѣ, гдѣ работалъ А. Ѳ., производился обыскъ у его товарища, и въ этотъ моментъ А. Ѳ. принялъ отъ товарища нелегальныя книги; передачу замѣтилъ мастеръ и сообщилъ объ этомъ явившимся жандармамъ. Во время производства дѣла А. Ѳ. велъ себя безукоризненно. Ему пришлось посидѣть въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ, и здѣсь—по словамъ А. Ѳ.—произошло его преобразованіе въ сознательнаго рабочаго. Читалъ онъ много, и, будучи отъ природы пытливымъ, ничего не принималъ на вѣру безъ основательной провѣрки. Онъ обладалъ поэтическимъ талантомъ. Въ особенности хороши его стихи, написанные въ тюрьмѣ: „Ура! Добржанскій*) торжествуетъ!“ Товарищъ прокурора Скопинскій, познакомившись со стихами А. Ѳ., серьезно совѣтовалъ ему заняться стихотворствомъ, вмѣсто политики. По приговору А. Ѳ. долженъ былъ оставить Иваново и прожить 2 года въ Ростовѣ-на-Дону подъ надзоромъ полиціи. Сначала жизнь А. Ѳ. въ этомъ городѣ не налаживалась, но затѣмъ онъ занялъ здѣсь видное положеніе въ рабочихъ кружкахъ. Онъ былъ выборнымъ, читалъ свои рефераты; однимъ словомъ, былъ головою выше другихъ; но кружковая дѣятельность не удовлетворяла этого бурнаго человѣка съ широкимъ размахомъ. Запасшись чужимъ паспортомъ, онъ сбѣжалъ изъ Ростова въ одинъ городъ**), гдѣ въ то время были волненія среди рабочихъ. Здѣсь А. Ѳ. разбрасывалъ прокламаціи и нелегальныя книги, но преслѣдуемый полиціей принужденъ былъ укрыться въ другомъ городѣ. Онъ подумывалъ уже о бѣгствѣ заграницу, но въ концѣ концовъ вернулся въ Ростовъ, гдѣ у него начались объясненія съ начальствомъ и обыски. Положеніе А. Ѳ.

*) Бывшій въ г. Шуѣ жандар. полковникъ.

**) Городъ не называемъ по конспиративнымъ соображеніямъ

ухудшилось еще тѣмъ, что подъ давленіемъ жандармеріи его стали увольнять съ заводовъ послѣ нѣсколькихъ дней работы. Въ это же время А. Ѳ. удалось основательно поколотить передъ воротами тюрьмы одного шпіона, который пытался познакомиться съ нимъ. Послѣднее время А. Ѳ. былъ особенно мраченъ; онъ часто говорилъ, что работать при современныхъ полицейскихъ условіяхъ крайне трудно, а ждать, пока эти условія измѣнятся, слишкомъ долго. „Воробьиными шагами“ А. Ѳ. не могъ удовлетвориться: для него, энергичнаго, обладающаго здоровьемъ и физической силой, требовалось широкое поле дѣятельности, а современная жизнь съ своими полицейскими когтями душила его.

А. Ѳ. искалъ компаньона для самоубійства и, когда его нашелъ въ лицѣ несчастной дѣвушки, умиравшей отъ чахотки, то, съ согласія дѣвушки, убилъ изъ револьвера ее, а затѣмъ и себя. Это было въ Ростовѣ 3-го октября 1899 года—въ самый день окончанія надзора. Дорогая жизнь потеряна. А. Ѳ. въ разцвѣтѣ силъ сошелъ въ могилу: ему было всего только около 25 лѣтъ.

И въ этой смерти мы винимъ наше царское правительство, которое своими гоненіями доводитъ людей до самоубійства.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!..

Январь 1900 г.

г. Иваново-Вознесенскъ.

Складъ изданій при типографіи: Genève, chemin de la Cluse, 7.